

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.10>

UDC 902/904:930.85
LBC 63.4

Submitted: 28.02.2023
Accepted: 18.09.2023

THE CUMANS OF SOUTHERN URALS. A CHAIN OF CULTURAL SHIFTS

Sergey G. Botalov

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation;
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problem of interpretation of written sources of archaeological materials of the high middle ages. The data discrepancy of numerous written sources on the the Kipchaks (Kimek-Cumans) history confederation had required systematization and comparison in order to identify real information on the early stage of the Cumans (Kipchak) history. New archaeological data regarding location of the Srostky culture sites in the Southern Urals (late 8th – 9th centuries) made it possible to confirm the previously expressed opinion about their correlation with the Kipchak (Cumans) stage. The fact of the appearance of Turkic-cultural nomads of the 8th – 9th centuries in the Ural-Kazakhstan steppes has repeatedly been noted in various studies. In most cases, this information is based on written sources data of the late 9th – 10th centuries. New archaeological materials were obtained in the course of archaeological excavations of the Uelgi burial complex in the South Urals. It was made possible to identify a whole layer of complexes and materials of the Srostky type. They were attributed to the late 8th, 9th and early 10th centuries due to the comparative typological and radiocarbon dating. Thus, we can state the continuous development of the Srostky culture from the early (Inskaya) to the middle stages of this culture within the Southern Urals. The main study methods were comparative analysis of written sources, methods of comparative typological and radiocarbon dating. Thus, the obtained new archaeological materials of the Uyelgi burial complex allow us to assert that the Kipchaks (Cumans) component in the Uyelgi complex appears at the earliest stage of the existence of the Srostky culture (Inskaya) and subsequently is present here as well as in other South Ural sites.

Key words: the Kipchaks (Cumans), Kimeks, Uyelgi, Srostky culture, the Middle Ages, Southern Urals.

Citation. Botalov S.G., 2023. Kypchaki Yuzhnogo Urala. Chereda kul'turnyh peremen [The Cumans of Southern Urals. A Chain of Cultural Shifts]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 200-224. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.10>

УДК 902/904:930.85
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 28.02.2023
Дата принятия статьи: 18.09.2023

КЫПЧАКИ ЮЖНОГО УРАЛА. ЧЕРЕДА КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН

Сергей Геннадьевич Боталов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации письменных источников и археологических материалов развитого средневековья. Разнотение данных значительного числа письменных источников истории кимако-кыпчакского объединения настойчиво требовало их систематизации и сопоставления с целью выявления реальных сведений о раннем этапе кыпчакской истории. Новые археологические данные о локализации сrostкинских памятников на Южном Урале (конец VIII – IX в.) позволили подтвердить ранее высказанное мнение об их соотношении с кыпчакским этапом. Факт появления тюркокультурных кочевников VIII–IX вв. в урало-казахстанских степях многократно отмечен на страницах различных изданий. В большинстве случаев эти сведения опираются на данные письменных источников, которые содержат сведения конца IX – X века. Новые археологические материалы, полученные в результате исследования южноуральского погребального комплекса Уелги, позволили выделить целый пласт комплексов и материалов сrostкинского типа.

На основании сравнительно-типологического и радиоуглеродного датирования они были отнесены к концу VIII, IX и началу X века. Таким образом, можно констатировать непрерывное развитие сrostкинской культуры от раннего (инского) до среднего этапа этой культуры в пределах Южного Урала. Основными явились методы сравнительного и сопоставительного анализа письменных источников, методы сравнительно-типологического и радиоуглеродного датирования. Таким образом, полученные новые археологические материалы погребального комплекса Уелги позволяют утверждать, что кыпчакский компонент в составе Уелгинского комплекса появляется на самом раннем этапе существования сrostкинской культуры (инской) и впоследствии присутствует здесь и в других южноуральских памятниках.

Ключевые слова: кыпчаки, кимаки, Уелги, сrostкинская культура, средневековье, Южный Урал.

Цитирование. Боталов С. Г., 2023. Кыпчаки Южного Урала. Черда культурных перемен // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 200–224. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.10>

История исследования кыпчакско-кимакской проблемы

Более полувека назад А.А. Гавриловой наиболее западными памятниками, содержащими материалы сrostкинского типа, были названы Синеглазовские курганы (Челябинская область) из раскопок Н.К. Минко [Гаврилова, 1965, с. 72]. Несколько позже археологическая атрибуция данной культуры была осуществлена Д.Г. Савиновым, предложившим Синеглазовские курганы связывать изначально с экспансией кимакского [Савинов, 1976, с. 103; 1978, с. 219], а чуть позже и кыпчакско-го объединения [Савинов, 1979].

Эти предположения были построены на материалах раскопок Н.К. Минко и С.А. Гатцуком Синеглазовских курганов в 1908–1909 гг., хранящихся в архивных фондах ЛОИА (дело № 219) [Боталов, 1987]. Маркирующими категориями вещевого инвентаря, характерными для Синеглазовских курганов, стали: стремена арочной формы с прорезью в раскованной дужке и петлевидным отверстием для подвешивания; удила с витым восьмерковидным окончанием, с S-видными железными псалями либо костяными в виде сапожка или «ласточкиного хвоста»; костяные подпружные пряжки с T-образными отверстиями; колчаны с сочетанием бронзовых железных и костяных асимметрично-ромбических наконечников; костяные накладки (боковые и фронтальные) от сложносоставных луков, а также характерный набор серебряных и бронзовых сферической, сердцевидной, арочной формы с прорезями внизу лунницевидных и билунницевидных накладок, орнаментированных округлыми насечками по краю [Боталов, 1987, рис. 1–3]. Чуть позже этот корпус южноуральских сrostкинских материалов был существен-

но увеличен благодаря публикации материалов средневековых курганов IX–X вв., исследованных Н.А. Мажитовым: Хусаиновские, Бекешевские I, II, Лагеревские, Ишимбаевские, Старо-Халиловские и др., где были обнаружены обозначенные выше категории артефактов, а также значительное число гарнитуры и произведений торевтики с растительным, зооморфным и антропоморфным орнаментом [Мажитов, 1981, рис. 21–24, 26, 36–38, 40–44, 46, 47, 51, 55, 57, 58, 60, 61]. Исследователь приходит к мнению, схожему с заключением А.А. Гавриловой и Д.Г. Савинова, что появление культурных инноваций в вышеперечисленных памятниках следует связывать с тем, что в формировании южноуральских курганов IX–X вв. активную роль сыграли пришлые южносибирские кочевые племена. При этом тюркская культурная атрибуция их представляется автору наличием характерных наборных поясов с прямоугольными с прорезью для подвесных ремней, а также сердцевидными и иными фигурными, литыми и штампованными накладками, схожими по своему облику с изображениями на тюркских изваяниях¹ (Хусаиновские курганы, кург. 12, погр. 1; I Бекешевский, кург. 2, погр. 2; II Бекешевский, кург. 2, погр. 1; Лагеревские курганы, кург. 42; Ямашитавские курганы, кург. 2, погр. 2). Эти наблюдения позволили Н.А. Мажитову независимо от сrostкинской идеи Д.Г. Савинова прийти к схожим выводам о кыпчакско-кимакской принадлежности, по крайней мере, части комплексов из курганов горно-лесной и зауральской части Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981].

Причиной этого обстоятельства, как нам представляется, явились данные самого широкого круга персидских, арабских и даже китайских источников (Ибн Хордадбех, Худуд ал-алем, Ибн Бахра, Аль-Идриси, Гардизи,

Абул-Гази, Бейши, Юань ши и др.), которые указывают на экспансию части кыпчакских племен из состава кимаков в районы Южного Урала в конце VIII века. Учитывая сугубо тематический аспект нашего исследования, приведем существующие точки зрения о появлении кыпчаков в пределах крайне западного региона их раннего расселения.

В общем, что касается ранней истории кыпчаков, то, по образному выражению С.Г. Кляшторного, следует принять нижеследующее: «Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII–IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники» [Кляшторный, 1986, с. 153].

Это заключение вплотную смыкается с мнением, высказанным гораздо раньше В.В. Бартольд, который заметил, что имя *кыпчак*, *кыфчак*, *хыфчӕх* или *хыфшах* появляется в более поздней народной и устной этимологии (впервые у Рашид-ад-Дина (XIII–XIV вв.), позднее у Абулгази в «Родословной тюрков») [Бартольд, 1968, с. 550].

Попробуем проиллюстрировать данные положения на примерах существующих исторических реконструкций. Так, по данным Б.Е. Кумекова, переселение кыпчаков как одного из племен киманского объединения с Иртыша на запад происходит во второй половине VIII века [Кумеков, 1972, с. 56]. Основанием для этого утверждения явились данные из «Книги путей и провинций» (846–847 гг.) аббасидского чиновника почтовой службы и разведывательной деятельности Ибн Хордадбега (820–912/913 гг.), который, используя *некий неизвестный документ*, относящийся к VIII в., сообщает о северных соседях халифата, живущих «за рекой» (Аму-Дарьей), где он обозначает самые значительные «страны тюрков» – землю тогуз-огузов и «страну кимаков» и где-то в конце списка «кыргызов» и кыпчаков [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 116].

Далее Б.Е. Кумеков приводит сведения об «отделении» кыпчаков и кимаков, которые подтверждаются данными, приводимыми в «Худуд ал-алем» неизвестным персоязычным автором в конце X в. (982–983 гг.), где, действительно, наряду с тогуз-огузами, гузами, халлу-

хами (карлуками), кимаками и хиркизами (киргизами) фигурирует этнонаименование *Андар аз-кыфчак* (название не совсем ясное, означает «внутренние хыфчаки» – кыпчаки) [Кумеков, 1972, с. 56, 63–65]. Однако каких-либо хронологических ориентиров этой диспозиции не существует, за исключением самого факта написания данного трактата неизвестным персидским автором в самом конце X в. (982–983 гг.). После кыпчаков упоминается еще один «турецкий» народ – мадьяры. В.В. Бартольд особо отмечает, что о границах между мадьярами и кыпчаками ничего не говорится [Худуд ал-алем, 1930, с. 25]. Сама по себе информация о стране Мадьяр отражает важные сведения, позволяющие определить хронологическую позицию упоминаний как о кыпчаках в момент отделения их от кимаков, так и о самих мадьярах. В «Худуд ал-алем» приведен этот отрывок (§ 22 «Беседа о стране Маджгари») в изложении В. Минорского:

«К востоку от него находится гора; к югу от него племя христиан (*tarsāyan*), называемое *V.n.nd.r*; к западу и северу от (Маджгари) находятся районы (*nazvāht*) русов. В этой стране насчитывается около 20 000 человек, которые выходят на поле боя со своим королем (*bā malikashān bar-nishīnand*). Короля этой страны зовут Юла. Эта страна 150 фарсангов в длину и 100 фарсангов в ширину... Маджгари состоят в войне со всеми неверными, живущими вокруг них и (обычно) побеждают (*biktar āyand*)» [Minorsky, 1982, f. 199, § 22, p. 101].

Эта информация стыкуется со сведениями, приводимыми Ибн Русте в «Книга драгоценных ожерелий» (903–925 гг.) и Гардизи в «Украшении известий» (1050–1053 гг.) (упоминания о 20 000 воинов мадьяр и об обширности страны 100 (150) × 100 фарсангов). Наиболее близкая локация народа Мадьяр упомянута в арабоязычном источнике под названием «Анонимная записка», который сегодня приобрел особую популярность среди историков-исследователей средневековья Причерноморья [Мишин, 2002, с. 50–58; Калинина, 2003; Шорохов, 2011].

Не вдаваясь в дискуссионные тонкости заимствований и соответствий различных вышеупомянутых источников, заметим в части соотношения данных «Худуд ал-алема» и «Анонимной записки», что оба этих источника локализируют страну Мадьяр где-то в Северо-За-

падном Причерноморье. В обоих случаях фигурирует «гора» (в «Худуд ал-алем» – к востоку; в «Анонимной записке» – высокая гора за страной «нандар»); в обоих случаях мадьяры граничат с русами (к западу и северо-западу – по «Худуд ал-алем»; в 10 днях пути – по «Анонимной записке»). В обоих случаях мадьяры соседствуют с христианским народом: «Худуд ал-алем» – на юге с народом *Vnnd.r*; «Анонимная записка» – за какой-то из рек, скорее всего Дуба / Рута; Дунай (то есть тоже на юге) – по Мишину [2002, с. 55–57] с народом *нандар*. По мнению В. Минорского и других востоковедов, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же народом – дунайскими болгарами. В случае с народом *нандар*, вероятно, произошла ошибка переписчика, и начальное *v* было принято за союз *Va* и отброшено от целого слова [Minorsky, 1982, p. 467, 471].

Приведенные параллели позволяют, хотя и не без осторожности, утверждать о синхронности данных о мадьярах в «Худуд ал-алем» и в «Анонимной записке». Относительно второго документа сегодня существуют две точки зрения: Д.Е. Мишин считает, что сообщенная (вероятнее всего, самими мадьярами) информация относится к временному отрезку между 889 и 892 гг. – до набегов на Дунайскую Болгарию (895 г.) и на Великую Моравию [Мишин, 2002, с. 57–58], а В.А. Шорохов предлагает информацию в «Анонимной записке» отнести к периоду преобладания венгров в степях Северного Причерноморья, скорее всего к 840–850 гг. [Шорохов, 2011]. По нашему представлению, наиболее предпочтительна первая точка зрения, поскольку локализация мадьяр на обозначенной территории более завязана на регион левобережья Дуба / Рута (Дуная) на северной границе дунайских болгар и южной границе русов.

Хотя справедливости ради следует заметить, что более ранняя дата также возможна, несмотря на косвенные и гипотетические построения появления отдельных мадьярских комплексов IX в. в Среднем Поднепровье и наличие восточномадьярских категорий вещевого инвентаря в Карпатской котловине в пределах IX в., или, по крайней мере, наводит на размышления.

Таким образом, информация в «Анонимной записке» (по аналогии с ней и в «Худад

ал-алем») позволяет говорить не только о том факте, что мадьяры к самому финалу IX в. оказываются далеко в пределах Северо-Западного Причерноморья, но и, что весьма важно для нашего исследования, к этому периоду происходит выделение кипчаков из единой среды кимацкой конфедерации.

К этому же времени, вероятнее всего, относятся события, реконструированные Р.Г. Кузеевым на основании сообщений Аль-Масуди, который сообщает о причинах ухода кочевников Приаралья на запад (X в.). Война между гузами, карлуками и кыпчаками против баджанак, баджан, баджгард и «нукерде» окончилась поражением последних [Кузеев, 1971, с. 21; 2010, с. 131–132]. В другом издании «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» приводится список племен, совершающих набеги на Джурджанийское озеро: гузы, карлуки и кимаки. Б.Е. Кумекон и С.Г. Агаджанов указывали, что эти события происходили между серединой и концом IX в. [Кумекон, 1972, с. 58; Агаджанов, 1969, с. 129]. В качестве дополнения следует упомянуть весьма важное наблюдение, сделанное Дж. Марквартом относительно упоминаний Аль-Масуди, которое приводит в своей работе В.М. Бейлис [Бейлис, 1969, с. 307]. Маркварт предложил видеть в баджан и баджанак печенегов, а в баджгурд и нукарда (ункарда) – венгров.

Все эти события вольно или невольно сплетаются с канвой генеалогической легенды об Огуз-Хане, который, дождавшись возмужания своего нареченного сына Кыпчака, посылает его против взбунтовавшихся народов маджаров и башкир. Кыпчак усмирил их и после этого триста лет жил (до Чингиз-хана) между страной ит-бараков (Верховья Енисея) и р. Яиком (Уралом) [Ахинжанов, 1976, с. 84]. Согласно простому расчету, данное событие совпадает с началом X века.

Таким образом, сведения, относящиеся к ранней кыпчакской истории, при детальном рассмотрении в лучшем случае относятся ко второй половине, а скорее всего, к концу IX и началу X века.

В числе наиболее ранних упоминаний можно привести лишь сведения из «Вейши» (глава 99), на которые ссылается китайский исследователь Цень Чжунь-мань, о племенах *хэ-би-си* (китайский вариант названия

кипчак), входящих в группу *теле* и кочующих к западу от Алтая до Арала [Ахинжанов, 1976, с. 84]. По совершенно справедливому мнению С.М. Ахинжанова, эта информация, относящаяся к VII в., является наиболее ранним упоминанием о кипчаках в Казахстане. Подлинность данной информации не вызывает сомнения. Н.В. Кюнер в своем труде помещает информацию танского времени (664–667 гг.) из трактата «Вэньсяньгункао» (автор Ма Дуань-линь), т. XVI, кн. 6, гл. 344, где перечисляет племена союза тйелэ (теле): «...на юго-запад от Золотых гор (Алтай), живут *сиеянто*, *чжилэфр*, *шибань*, *даци* и прочие, имеют 10000 с лишним войска. На севере от государства Кан², по р. Адэ³, живут хэчжи, гэцие, боху, туньцян, бэйхай, *гэбиси*⁴, ача, суба» [Кюнер, 1961, с. 38].

И наконец, общеизвестным упоминанием о ранних кипчаках является надпись на «Селенгинском камне», возведенном в честь одного из создателей уйгурского каганата – Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.), где в четвертой строке помещен текст «Когда тюрки-кипчаки властвовали [под нами] пятьдесят лет». Стела с руническим текстом обнаружена Г. Рамstedтом во время монгольского путешествия в 1909 г., но последующая за открытием реконструкция автора наименования «кипчак» не вызвала доверия у авторитетных ученых-востоковедов (В.В. Бартольд, П. Пельо и В.Ф. Минорский) [Кляшторный, 1986].

Благодаря настойчивым исследованиям С.Г. Кляшторного, в настоящее время можно считать вполне доказательным правильность первопонимания этнонима *кыпчак* среди телесских племен в свете доказательного утверждения автора «об адекватности кипчаков, упомянутых в тексте “Селенгинского камня”, телесскому племени сеянто и об их первоначальном проживании между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники кипчаки-сеянто были вытеснены из Центральной и Западной Монголии в верховья Иртыша и далее в казахстанские степи» [Ахинжанов, 2006, с. 48–51].

Таким образом, два вышеозначенных источника по предыстории кипчаков, по сути дела, и составляют весь нарративный арсенал ранней истории этого народа (VII–VIII вв.).

Безусловно, информативность их минимальна, однако они четко реконструируют как минимум две позиции: хэ-би-си (кипчаки), или тюрки-кипчаки, входили как одно из племен значительного списка племен объединения теле – сеянто, а также в состав сюзеренов токуз-огуров – уйгуров. Расселение их происходит в направлении на запад от Алтая и Иртыша. Эта тенденция сохраняется и в последующий период, когда кипчаки участвуют в составе кимаковского объединения или выделившись из него. Далее попытаемся эти сведения соотнести с археологическими данными.

История исследования сросткинской культуры Алтая и сопредельных территорий

Бурное накопление материала по средневековой археологии Алтая и примыкающей территории в 80-е гг. прошлого столетия позволило по-новому взглянуть на интерпретацию средневекового материала данного региона. Сросткинская культура начинает рассматриваться исследователями как сложное полиэтническое явление. Сам процесс сложения культуры представляется как проникновение в степные предгорья Обь-Иртышского междуречья и в Приобье в среду местного угро-самодийского (постодинцовского) населения кимаков и других тюрков из Горного Алтая [Могильников, 1981, с. 45–46; Неверов, 1988, с. 16]. Этнокультурные трансформации в среде сросткинской общности продолжают в течение почти четырехсот лет (со второй половины VIII по XII в.) в рамках четырех этапов: инский (вторая половина VII – первая половина IX в.), грязновский (вторая половина IX – первая половина X в.), шадринцевский (вторая половина X – первая половина XI в.) и змеевский (вторая половина XI – XII в.) [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Тишкин, Горбунов, 2002; Кондратов, 2004, с. 5].

За этномаркирующие определители предложено было принять отдельные особенности погребальной обрядности. Первоначально В.А. Могильников связал погребение с конем с алтайскими тюрками и кимаками, а подкурганые грунтовые погребения с перекрытиями из бересты и березовых бревен были интерпретированы как памятники местного

угро-самодийского населения [Могильников, 1981]. Несколько позже количество этих маркеров увеличилось, и они приобрели региональный характер. Так, для Кулундинской степи В.А. Могильниковым установлено, что погребения с конем в глубокой яме характерны для кимаков или тюрок Горного Алтая; погребения с чучелом или шкурой коня свидетельствуют о смешении пришлого тюркского и местного угро-самодийского населения, а наличие среди них подбойных захоронений показывает смешение уйгурского (огузского) и кимакского населения [Могильников, 1988]. К нему присоединяются Д.Г. Савинов и М.В. Мороз, предполагая, что наличие подбоев и погребений со шкурой в сrostкинской культуре связано с влиянием уйгур [Савинов, 1984, с. 93; Мороз, 1988, с. 44].

В целом данные маркеры были приняты для других регионов сrostкинской культуры с некоторым отличием. Так, по мнению А.А. Тишкина и В.В. Горбунова, одиночная подкурганная ингумация является самодийским компонентом, а ингумация со шкурой коня – кипчакским (в основном на двух последних этапах (вторая половина X – XII в.)). Одиночная ингумация и ингумация с тушей коня (тюркский компонент) известны на всем протяжении сrostкинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2002].

Особую позицию имеют точки зрения исследователей на обряд кремации среди сrostкинских некрополей. В.А. Могильников связывает появление кремации в курганах Алтая и Верхнего Прииртышья с продвижением и последующим оседанием енисейский кыргызов здесь в IX–X веках. Однако при этом он замечает, что данный обряд (особенно когда продукты огня фиксируются в могилах, как при ингумации) может быть связан с традициями самодийских погребений, известных в Среднем и Верхнем Приобье в предшествующий период [Могильников, 1989, с. 140].

Появление обряда кремации и отдельных категорий вещей, характерных для кыргызских погребений на Алтае из Поиртышья, Д.Г. Савинов также связывает с западным продвижением кыргызов в IX в. [Савинов, 1978, с. 213–216; 1998]. С появлением средневековых хакасов (киргызов) на территории Южной и Западной Сибири в первой половине IX в. С.В. Неверов также связывает с появ-

лением кремации среди сrostкинских комплексов [Неверов, 1988, с. 16]. Однако позиция о местном угро-самодийском происхождении трупосожжений нашла свое подтверждение в работах А.А. Тишкина, В.В. Горбунова и А.В. Кондратова, где авторы приходят к выводу, что погребения по обряду кремации (9,8 %) известны на первых трех этапах. Выделяются следующие признаки: одиночная кремация или кремация в сопровождении коня; сожжение на стороне, вещи не обожжены, в могильной яме обычной формы. Развитие этой традиции следует связывать с влиянием местного самодийского населения [Тишкин, Горбунов, 2002; Кондратов, 2004, с. 15].

В связи со всем сказанным, вероятно, сегодня весьма сложно идентифицировать моноэтничность или монокультурность сrostкинской культуры (кимаки, кыпчаки). Нам, безусловно, импонирует своим постоянством точка зрения А.А. Адамова [2000, с. 86] исключительно о кипчакском происхождении сrostкинской культуры. Однако процессы кипчакизации населения Томского, Новосибирского Приобья, Верхней Оби и Кузнецкой котловины, о которых сообщает автор, происходят в рамках шадринцевского этапа с X по XII в., что в целом не противоречит всем имеющимся исследованиям сrostкинских памятников на сегодняшний момент. Сохраняется интрига относительно этнокультурной идентификации этапов раннего сrostкино (вторая половина VIII – IX в.). Это соответствует общеустоявшейся схеме инского и грязновского этапов.

А.А. Тишкин при создании периодизации культурно-хронологической схемы развития народов Алтая поместил эти этапы сrostкинской культуры в синхронные – тузгинский (вторая половина VIII – первая половина IX в.) и курайский (вторая половина IX – первая половина X в.) этапы развития тюркской культуры Алтая [Тишкин, 2007, с. 199–200].

При этом автор особо оговорил мнение Г.В. Кубарева о том, что тюрки Российского Алтая не входили в состав Уйгурского каганата, так как уйгурских памятников на Алтае не известно [Тишкин, 2007, с. 199; Кубарев, 1998, с. 292–293]. Вероятно, данную ситуацию можно объяснить сентенцией из «Селенгинского камня» о том, что тюрки-кыпчаки являлись союзниками и созеренами уйгуров на

подвластных им алтайских провинциях в течение 50 лет [Кляшторный, 1986, с. 153].

В чем смысл столь обширной историографической преамбулы? Дело в том, что южноуральские материалы сротскинского облика, о которых речь пойдет ниже, относятся к ранним этапам данной культуры. Они появляются на крайне западном крыле данной общности как некое особое и весьма масштабное явление, которое, безусловно, требует своей этнокультурной и исторической интерпретации.

Традиционно мы продолжаем связывать их со сротскинской культурой (общностью?), которая, по мнению А.А. Тишкина, сегодня растворилась в различных этапах общетюркской и киргизской культур (VIII–XI вв.) [Тишкин, 2007, с. 193–213].

В соответствии с сегодняшними реалиями вопрос об этнокультурном определении этого населения (кимаки, кыпаки?), привнесшего на Южный Урал некий сротскинский облик, остается открытым. Хотя в этой связи для нас оказалась наиболее близкой позиция Ю.С. Худякова, озвученная им в одной из своих работ [Худяков, 2004]. Прежде всего, автор придерживается точки зрения существования Кимакского каганата в Поиртышье в VIII–IX веках.

Термин «кыпчаки» – в буквальном смысле «ничтожные», в переносном – «кочевники» в Кимакском каганате, высшая знать которых осела в городах, а часть населения седентаризовалась и культурно обособилась от своих недавних соплеменников. Вероятно, «кимаками» в Кимакском каганате с развитием городов и земледелия стала называться оседлая часть населения и высшая знать. Горожане и земледельцы «кыпчаками» первоначально могли называть коренное для периода VIII–IX вв. тюркское кочевое население Прииртышья, уступавшее в своем развитии западным тюркам, мигрировавшим на Иртыше из наиболее развитых в культурном отношении районов Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, Семиречья и Притяньшанья. С образованием Кимакского каганата, объединившего в IX в. западные тюркские, пришлые телесские и монгольские кочевые племена, под угрозой военной мощи Кыргызского каганата, с появлением и развитием городов, термин «кыпчаки» в значении «дикие, никчемные кочевники» был перенесен на все кочевое население этого го-

сударства, самих тюрков и тюркизированное население лесостепной зоны Западной Сибири и степей Казахстана. Такая трактовка позволяет объяснить, куда после распада Кимакского каганата исчезли кимаки и другие племена объединения, кроме самих кыпчаков [Худяков, 2004, с. 144–145].

Таким образом, эта реконструкция дает возможность предположить, что в процессе западной экспансии Кимакского каганата среди тюркских кочевников этой конфедерации возникает новый политоним «кыпчак». Период конца VIII – IX в. в действительности приобретает образное значение «периода возмужания» кыпчака (по С.М. Ахинжанову: [1976, с. 84]).

Исследования сротскинских памятников Южного Зауралья

Попытаемся взглянуть на эти события с точки зрения археологических фактов крайне западного региона.

В 2009 г. в Южном Зауралье (Челябинское приозерье) был обнаружен новый памятник развитого средневековья – погребальный комплекс Уелги. Благодаря обширным поверхностным сборам, которые были произведены на первых порах поисковиками и исследователями-открывателями, материалы которых впоследствии были переданы в распоряжение археологов, удалось провести первичную систематизацию находок (более 300 единиц). Она позволила сразу определить пять стилистических групп по материалу и технологии изготовления [Боталов, Грудочко, 2011; Грудочко, Боталов, 2013; Боталов, 2018; Боталов и др., 2019, с. 82–86].

Наиболее яркой является стилистическая группа 4 – алтайская и восточноказахстанская. Она включала характерные наборы трехлопастных удлинённых и бронебойных наконечников стрел, бронзовые массивные подпружные пряжки с хорошо выделенным рамочным носиком, удила с S-видными и восьмерковидными псалиями, стремена арочной формы с расплющенной или восьмерковидной петлей для подвешивания (рис. 1), а также наборы украшений узды с сердцевидными налобными накладками, тройниками со сферическим центральным выступом и прямоугольными накладками с богатой расти-

тельной орнаментацией (тюхтятского типа). Кроме этого, в ней присутствовали концевые накладки с растительной и геометрической орнаментацией и ажурная застежка с выступающим сердцевидным носиком (рис. 2,30–33,35–38,42).

Последующие исследования позволили установить погребальные комплексы, относящиеся к этой стилистической группе. Несмотря на тотальное разграбление могильника (до 90 %), нам удалось обнаружить серию неразграбленных погребений. Они представляют собой простые подкурганые погребения, по обряду ингумации, погребенные ориентированы в западный сектор (с отклонением к СЗ и СВ). Часть из них (кург. 32, погр. 16; кург. 14, погр. 1; кург. 11, погр. 5; кург. 11, погр. 1), получившие условное наименование «лучники», содержат костяные боковые и фронтальные накладки сложносоставного лука, остатки саадачного ремня и колчаный крюк (рис. 3,7,9,10, 5,22–24), трехлопастные и костяные асимметричные и железные трехлопастные и бронебойные наконечники стрел (рис. 4,20,23,24, 5,6–10,26–30). В некоторых из них присутствует конское снаряжение: удила с костяными псалями в виде «сапожка» и «ласточкиного хвоста», стержневидные, восьмерковидные и кольчатые железные удила, костяные подпружные пряжки, стремена арочной формы с петлевидным путалищем (рис. 4,19, 5,1–3,16–18,31,32), а также серебряные с позолотой накладки уздечных и ремennых наборов. Украшения вооружения имеют зооморфный и характерный растительный орнамент в виде переплетенных ветвей и цветков смовквы (рис. 4,2,4,9–11, 5,4,13,19,21).

Выделяются три воинских погребения из этой серии с саблей и палашом (кург. 1, погр. 5; кург. 1, погр. 8; кург. 1, погр. 2), уздечным набором и стременем с раскованной дужкой для путалища, а также серебряной витой гривной (рис. 4,8,18,19,28,29).

Вероятно, в одном случае (кург. 32, погр. 3) мы имели дело либо с полуразграбленным погребением с цельной тушей коня, где погребенный, возможно, был уложен на ступеньке высотой 25 см, сооруженной вдоль северной длинной стенки погребения. Впоследствии погребение было разграблено, либо мы имеем дело с кенотафом в сопровожде-

нии коня, что также встречается среди сросскинских памятников Алтая и прилегающих территорий [Кондратов, 2004, с. 15] (рис. 6).

Погребение взнузданной лошади, уложенной на животе с подогнутыми конечностями, совершено головой на запад. Упряжь ее состояла из удил с двумя S-видными железными псалями, стремени с петлевидным отверстием для путалища, округлой трехреберной подножкой, а также бронзовыми и серебряными накладками (якорьковидных, сводчатых биовальных с перехватом, фигурных с округлым или треугольным отверстием), наконечников ремня, тройника и железной пряжки, украшающих трензель и крупные ремни (рис. 6,1–17).

К особой серии относятся два погребения, совершенные по обряду кремации. В одном случае (кург. 1, погр. 5) – кремация на стороне с последующей укладкой вещевого инвентаря (колчан с концевой накладкой ремня и сабля в серебряных ножнах) в небольшой яме (рис. 4,1,1–11), в другом – кремация с кальцинированными остатками погребенного, а также вещевой инвентарь (удила, стремена, подпружная пряжка), располагавшиеся на подкурганной площадке (кург. 31).

Погребение 6 из кургана 11 является весьма показательным в рассматриваемой серии. Оно было совершено под погребением 5, ориентировано по линии З – В, яма имела размеры 1,1 × 2,8 м. Погребенный – взрослый мужчина, лежал на спине, головой на запад, череп повернут на левую сторону (рис. 7,1). Он был размещен в деревянной гробовине подпрямоугольной формы, остатки которой сохранили как контур, так и часть настила. С правой стороны, вдоль плечевой и лучевой кости, был уложен палаш с прямым перекрестием, навершием и скобой от ножа (рис. 7,5–8). С левой стороны, возле ребер, располагался колчан с 12 железными двухлопастными и четырехгранными наконечниками стрел, крючком для подвешивания, ремennой пряжкой и украшениями в виде нашивных б-лепестковых накладок, а также бронзовые тройные соединения с остатками ремешков, украшенных обоймами и фигурными накладками (саадачный ремень?) (рис. 7,9–14,19–26,34,36). В верхней части тазобедренного сустава поперек костяка уложен пояс, состо-

ящий из ряда прямоугольных накладок с вырезом в нижней части, его часть была пропущена вдоль костей левой руки, вторая часть пояса состояла из мелких сердцевидных накладок (рис. 7, II, 37). Фиксировался как вдоль лучевой кости левой руки, так и опоясывал большеберцовую и бедренную кости ног. В нижней части костей левой ноги располагался лепной керамический круглодонный сосуд, характерный для кушнаренковской культуры (рис. 7, 35), а также жертвенная кость животного (лошади). Также вдоль левой руки был уложен железный кинжал в серебряных ножнах (рис. 7, I–4). В верхней части головы, чуть выше черепа, зафиксированы тонкие пластины с частичками дерева (вероятно, остатки луки седла). В области черепа найдена серебряная серьга, на мизинце левой руки был надет перстень с янтарной вставкой (рис. 7, I7, I8).

Данное погребение имеет типичные культурные традиции южноуральских кочевников IX–X веков. Этот памятник входит в особую группу комплексов с яркими маркерными признаками, которыми являются наборные пояса: Ямаши-Тауские курганы, кург. 2, погр. 1, 2; Хусаиновские курганы, кург. 12, погр. 1; I Бекешевские курганы, кург. 2, погр. 2, 3; II Бекешевские курганы, кург. 2, погр. 1; Лагеревские курганы, кург. 42 [Мажитов, 1981, рис. 18, 24, 26, 30, 32, 34, 35, 44].

Несмотря на то что в рассматриваемом погребении отсутствуют явные маркеры сrostкинско-го типа, мы в этой связи склонны всецело разделить точку зрения Н.А. Мажитова, который предположил, что поясные ремни по своей конструкции (подвески) и составу накладок являются близкой копией поясов, изображенных на тюркских изваяниях Южной Сибири [Мажитов, 1981, с. 130]. Речь идет, прежде всего, об изваяниях особого района Тувы (долина р. Хемчик (Кемчик) и урочище Арыг-Бажи) [Евтюхова, 1952, с. 82–88, рис. 21–26] (рис. 8, I–8). Характерной особенностью этих скульптур уйгурского периода являются черты манихейской традиции (отсутствие оружия, удерживание кубка в обеих руках) (по Л.Н. Ермоленко: [1990; 2002; 2004, с. 45–47]. Эта черта весьма важна в том обстоятельстве, что поясная гарнитура элементов, входящих в наборные пояса из погребений Южного Урала,

также несет яркие иконографические признаки манихейского толка, о чем уже писалось автором [Боталов, 2022]. Однако справедливости ради следует отметить, что поясная гарнитура упоминаемых комплексов отличается от сrostкинско-й серебряной с позолотой богато украшенной стилистикой. Как правило, это прямоугольные с прорезью и фигурные плоские накладки, которые характеризуют некий предшествующий этап развития ременной торевтики на ранних этапах развития тюркской культуры. К этому же числу относится ременная гарнитура из погребения лошади (кург. 32, погр. 3). Яркими аналогиями южноуральских образцов ременной гарнитуры являются алтайские находки из Ак-Кобы (курган у изваяния), Балык-Соок I, кург. 11, Юстыд-XXIV, кург. 13, которые надежно датируются по ^{14}C и остаткам шелка катандинским временем (680–750 гг.) [Кубарев, 2005, с. 139, 352, рис. 30–32].

Трудно сказать, каков механизм появления этой группы населения на Южном Урале. Был ли этот приход тюркского населения (что представляется нам наиболее вероятным) непосредственно до сrostкинско-й экспансии или речь идет о широком распространении новых традиций в пределах степного пространства? Думается, что этот вопрос требует дополнительного изучения.

Таким образом, проведенный обзор позволяет утверждать, что погребальный комплекс Уелги располагает хотя и небольшой, но достаточно маркерной серией погребальных комплексов, демонстрирующих существующее в данной культуре разнообразие погребальных традиций, истоки которых связаны с миром саяно-алтайских тюркских каганатов, значительную долю которых составляет население сrostкинско-й культуры.

Отличительной чертой уелгинского некрополя является преобладание погребений с западной ориентировкой в отличие от преобладающей ориентировки к ВCB в сrostкинских памятниках. Однако это отличие относится к разряду региональных особенностей. Так, по мнению С.В. Неверова и А.А. Адамова, в Новосибирском Приобье преобладает юго-западная ориентировка, а в степном Алтае и Барабе – западная, юго-западная [Неверов, 1988, с. 16; Адамов, 2000, с. 24].

Результаты радиоуглеродного датирования

Большинство из вышеназванных погребений были продатированы по ^{14}C . Указанные даты (табл. 1) сделаны в лаборатории Института ядерной физики Венгерской академии наук (г. Дебрецен, Венгрия). Калибровка проведена по программе Ox Cal 4.4 (2021 г.). Полученный интервал значения (95,4 %) занимает общий диапазон – 772–975 годы. В таблицу, наряду с четырьмя комплексами из Уелгов, помещен еще один, который содержал яркие сrostкинские материалы. Это комплекс из Актюба с богатым набором украшений конской сбруи в карпатском стиле и набором с сердцевидными и арочными накладками и пряжками, украшенными растительной орнаментацией [Боталов и др., 2021].

Представленная сводная таблица позволяет заметить, что Уелгинские комплексы занимают явно более раннюю позицию (1216±16; 1213±16) и ограничиваются последней четвертью VIII – концом IX века. Погребения 5 и 6, демонстрирующие вертикальную стратиграфию, имеют небольшой временной диапазон (не более 30 лет) между собой. Комплекс Актюба относительно поздний (1172±26; 1151±16), судя по разделению значений вероятностей, следует датировать концом IX – началом X века.

Заключение

Таким образом, представленные материалы из Уелгинского погребального комплекса позволяют по-особому взглянуть на кыпчакско-сrostкинскую проблему в пределах Южного Зауралья. Прежде всего, проникновение алтайско-сrostкинского населения на Южный Урал относится к самому раннему (инскому) периоду существования данной культуры к последней четверти VIII – IX веку. Погребальный комплекс Уелги фиксирует значительный спектр сrostкинского культурного своеобразия как в погребальном обряде (простые грунтовые погребения, погребения (или кенотаф) с конем, трупосожжение на стороне с последующей выкладкой остатков погребения), так и в вещевом материале (наборы узды с костяными псалями в виде «сапожка» или «ласточки-

ного хвоста»), костяные подпружные пряжки, восьмерковидные удила и стремяна арочной формы с раскованным или петлевидным путалищем, предметы вооружения колчана со смешанным набором железных трехлопастных и костяных асимметрично-ромбических наконечников, характерный набор серебряной с позолотой гарнитуры с растительным орнаментом).

Сегодня трудно однозначно производить этнополитическую идентификацию населения, переселившегося в Южное Зауралье – кимакки (?), кыпчаки (?). Очевиден тот факт, что вышеобозначенные инновации, которые дополняются еще одной яркой традицией – наборными поясами, имеют в основе своей восточнотюркский культурный облик.

Ранняя предыстория кыпчакского объединения, как уже было замечено, весьма слабо представлена в нарративной практике за исключением упоминаний «Бейши» (VII в.) (хэ-би-си (кыпчак)) [Ахинжанов, 1976, с. 84; Кюннер, 1961, с. 38] и надписи на «Селенгинском камне» о «тюрках-кыпчаках» (747–759 гг.) [Кляшторный, 1986, с. 153–154], что формально позволяет исследователям говорить о начале кыпчакской истории не ранее X века. Приведенная выше точка зрения Ю.С. Худякова о том, что термин «кыпчаки» (в буквальном смысле как «ничтожные», в переносном как «кочевники») появился в период создания Кимакского каганата в VIII–IX вв., это уточняет [Худяков, 2004, с. 144–145].

Вероятнее всего, данная реконструкция позволяет рассматривать раннекыпчакскую (равно как и раннесrostкинскую) историю тюркских кочевников Южного Урала первоначально в составе Кимакского каганата, а спустя какой-то период как собственно кыпчакскую, что и получило подтверждение в более поздних письменных источниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, здесь речь шла об изваяниях уйгурского этапа.

² Государство Канжу, позже как государство Кан, во времена династии Сун и Тан. В VIII в. жители его были подвержены манихейству. Располагалась в Таласском бассейне или вблизи него.

³ Река Адэ (река Талас (?)).

⁴ По мнению С.М. Ахинжанова, соответствует этнониму хэ-би-си [Ахинжанов, 1976, с. 84].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сросткинские комплексы погребального комплекса Уелги и могильника Актюба

Table 1. The Srostky complexes of the Uelgi burial complex and Aktuba burial ground

Шифр лаборатории	Памятник	Материал	Конвенционное значение	Калиброванное значение, AD (95,4 %)
DeA-36403	Уелги, курган 11, погр. 1	Кость человека	1216±16	772–883
DeA-36404	Уелги, курган 14, погр. 1	Кость человека	1213±16	773–882
Poz 121188	Уелги, курган 11, погр. 5	Кость человека	1195±30 BP	760–900
Poz 121187	Уелги, курган 11, погр. 6	Кость человека	1220±30 BP	760–890
DeA-11458	Уелги, курган 32, погр. 3 коня	Кость животного	1184±22	772–893
DeA-36402	Актюба	Кость человека	1151±16	772–786 (7,7 %) 829–855 (7,9 %) 873–904 (27,8 %) 914–975 (52,0 %)

Рис. 1. Погребальный комплекс Уелги. Предметы вооружения и конской узды сrostкинскогo типа:

1–11, 18–23 – железо; 12, 13, 16, 17 – бронза, железо; 14, 15 – бронза

Fig. 1. The Uyelgi burial ground. Weapons and horse bridles of the Srostky type:

1–11, 18–23 – iron; 12, 13, 16, 17 – bronze, iron; 14, 15 – bronze

Рис. 2. Погребальный комплекс Уелги. Предметы ременной гарнитуры сrostкинскогo типа:

1–37, 39–52 – серебро, позолота; 38 – бронза; 53 – серебро, позолота, кожа

Fig. 2. The Uyelgi burial ground. Belt set items of the Srostky type:

1–37, 39–52 – silver, with gilding; 38 – bronze; 53 – silver, with gilding, leather

Рис. 3. Погребальный комплекс Уелги:

I – курган 32, погребение 16; *II* – инвентарь: 1, 10 – кость; 2–7 – железо; 8 – керамика; 9 – железо, кожа; *III* – реконструкция (по: [Боталов и др., 2019, с. 93])

Fig. 3. The Uyelgi burial ground:

I – kurgan 32, burial 16; *II* – inventory: 1, 10 – bone; 2–7 – iron; 8 – ceramic; 9 – iron, leather; *III* – reconstruction (after: [Botalov et al., 2019, p. 93])

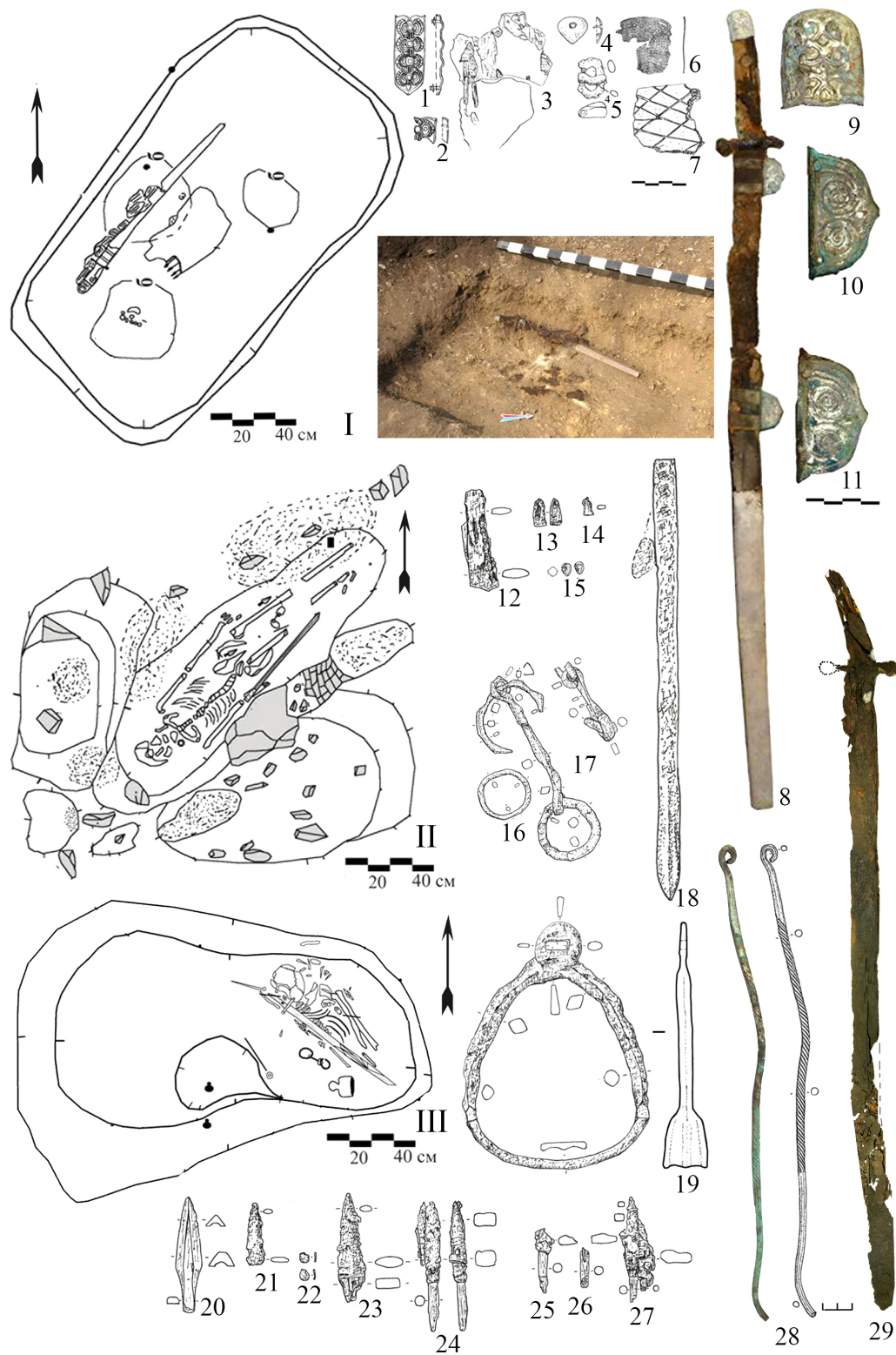

Рис. 4. Погребальный комплекс Уелги:

I – курган 1, погребение 5; II – курган 1, погребение 2; III – курган 1, погребение 8; 1, 2, 4, 9–11, 28 – серебро;
3, 5, 12–27, 29 – железо; 6 – береста; 7 – медь; 8 – железо, серебро

Fig. 4. The Uyelgi burial ground:

I – kurgan 1, burial 5; II – kurgan 1, burial 2; III – kurgan 1, burial 8; 1, 2, 4, 9–11, 28 – silver;
3, 5, 12–27, 29 – iron; 6 – birch bark; 7 – copper; 8 – iron, silver

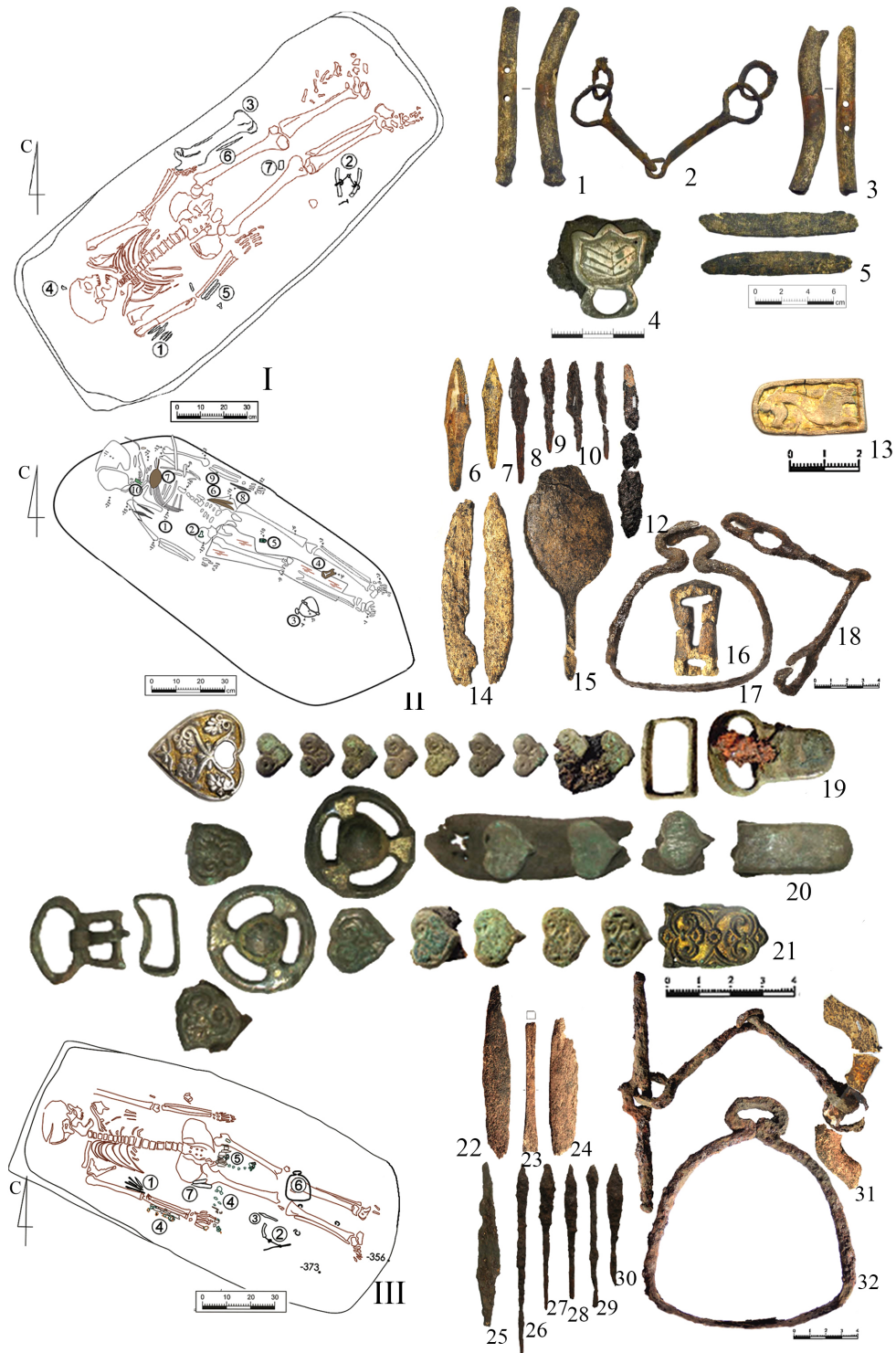

Рис. 5. Погребальный комплекс Уелги:

I – курган 14, погребение 1; II – курган 11, погребение 5; III – курган 11, погребение 1;
 1, 3, 5–7, 14–16, 22–24 – кость; 2, 8–12, 17, 18, 25–30, 32 – железо; 4, 19–21 – серебро, позолота, кожа;
 13 – серебро, позолота; 31 – железо, кость

Fig. 5. The Uyelgi burial ground:

I – kurgan 14, burial 1; II – kurgan 11, burial 5; III – kurgan 11, burial 1;
 1, 3, 5–7, 14–16, 22–24 – bone; 2, 8–12, 17, 18, 25–30, 32 – iron; 4, 19–21 – silver, with gilding, leather;
 13 – silver, with gilding; 31 – iron, bone

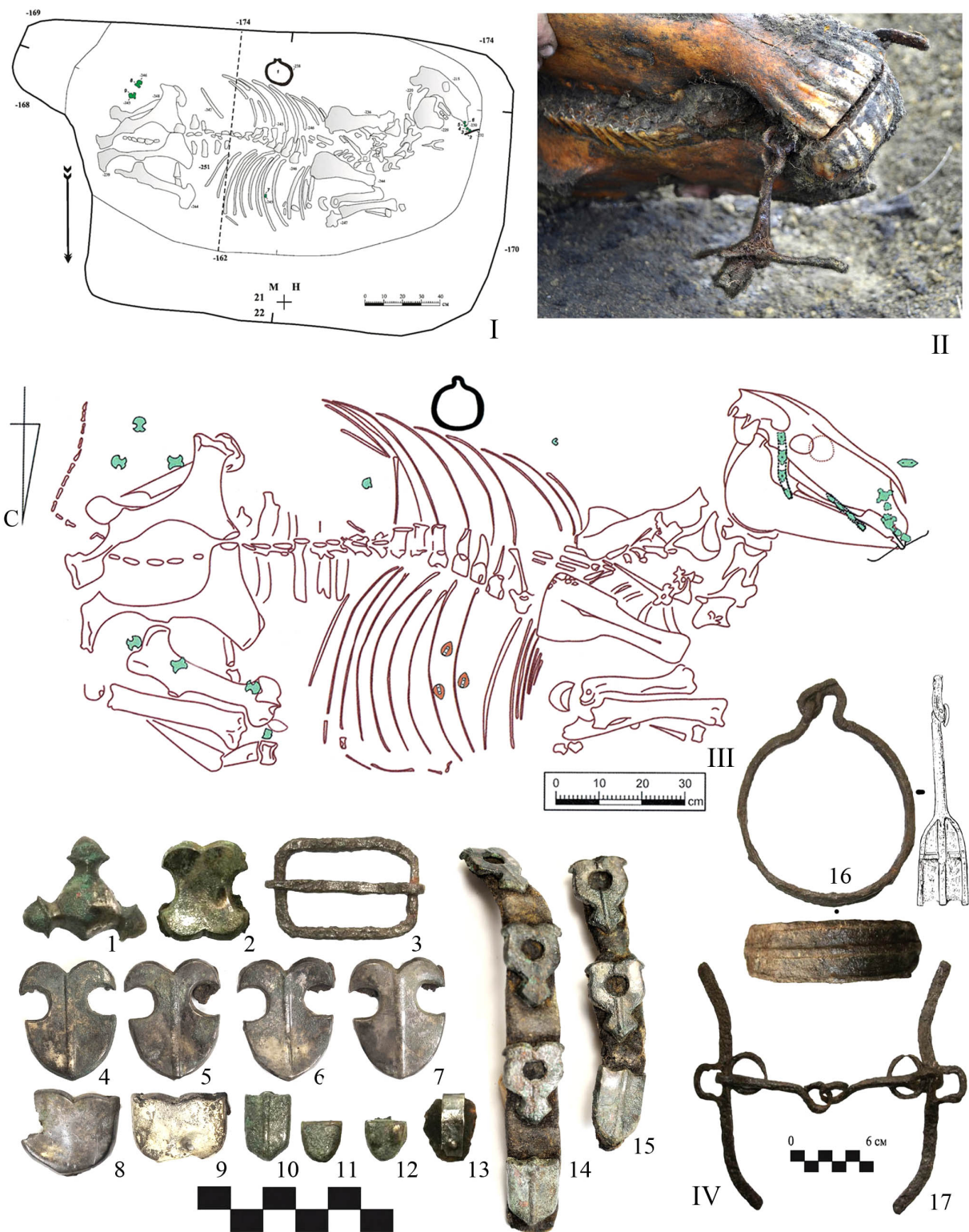

Рис. 6. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32, погребение 3:

I – план погребения; *II* – фрагмент; *III* – погребение лошади; *IV* – вещевого инвентарь:
 1, 2, 4–12 – серебро; 3, 16, 17 – железо; 13–15 – серебро, кожа

Fig. 6. The Uyelgi burial ground. Kurgan 32, burial 3:

I – burial plan; *II* – fragment; *III* – horse burial; *IV* – inventory:
 1, 2, 4–12 – silver; 3, 16, 17 – iron; 13–15 – silver, leather

Рис. 7. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11, погребение 6.

I – план погребения; *II* – фрагмент; *III* – вещевой инвентарь: 1 – фрагмент ножен; 2, 8–14, 21–26 – железо; 3, 4–7, 27–29 – серебро, железо, дерево; 15, 16, 18–20, 30–34 – серебро; 17 – серебро, камень; 35 – керамика; 36, 37 – серебро, кожа

Fig. 7. The Uyelgi burial ground. Kurgan 11, burial 6.

I – burial plan; *II* – fragment; *III* – inventory: 1 – fragment of sheath; 2, 8–14, 21–26 – iron; 3, 4–7, 27–29 – silver, iron, wood; 15, 16, 18–20, 30–34 – silver; 17 – silver, stone; 35 – ceramic; 36, 37 – silver, leather

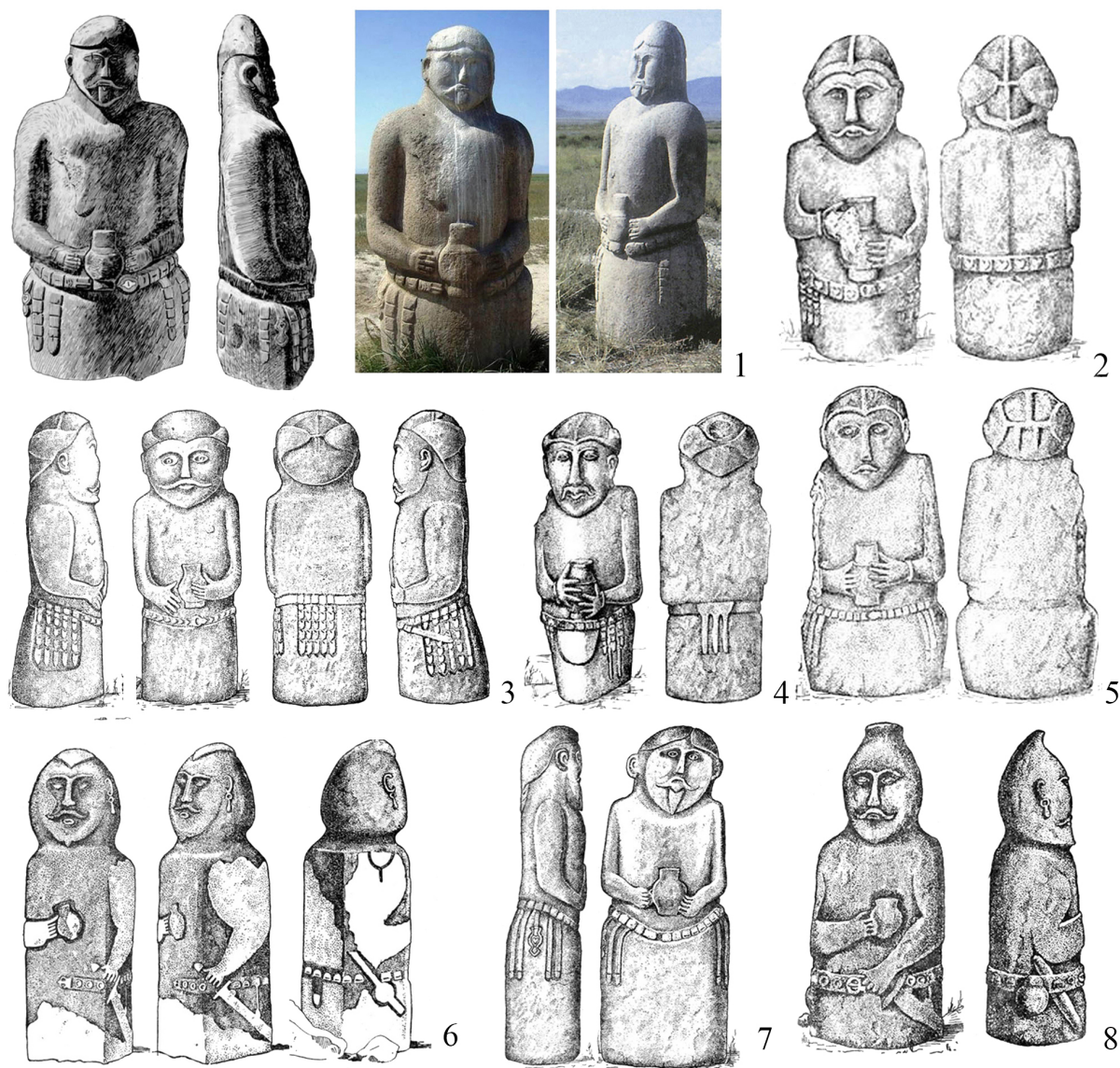

Рис. 8. Каменные изваяния Тувы, VIII–IX вв. (по: [Евтюховой, 1952]):

1 – р. Хемчик (Кемчик) близ Бижиктиг-Хая у пос. Кызыл-Мажалык; 2 – урочище Чанагаш, левый берег р. Чадан и правый берег р. Хемчик (Кемчик); 3 – урочище Эльте-Кежиг, близ Теели, правый берег р. Хемчик (Кемчика); 4, 5 – урочище Чанагаш, левый берег р. Чадан, правый берег р. Хемчик (Кемчик); 6 – урочище Таарбол близ Арыг-Бажи, левый берег р. Таргалок; 7 – левый берег р. Шеми, близ ее впадения в р. Хемчик (Кемчик); 8 – р. Таргалок близ Арыг-Бажи

Fig. 8. Stone statues of Tuva, 8th – 9th centuries (after: [Yevtyukhova, 1952]):

1 – Khemchik (Kemchik) river near Bizhiktig-Khai near the village Kyzyl-Mazhalyk; 2 – Chanagash tract, left bank of the Chadan river and the right bank of the Khemchik (Kemchik) river; 3 – Elte-Kezhig tract, near Teeli, right bank of the Khemchik (Kemchik) river; 4, 5 – Chanagash tract, left bank of the Chadan river, right bank of the Khemchik (Kemchik) river; 6 – Taarbol tract near Aryg-Bazhi, left bank of the Targalok river; 7 – left bank of the Shemi river, near its confluence with the Khemchik (Kemchik) river; 8 – Targalok river near Aryg-Bazha

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад : Ылым. 296 с.
- Адамов А. А., 2000. Новосибирское Приобье в X–XVI вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ. 256 с.
- Ахинжанов С. М., 1976. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука. С. 81–93.
- Ахинжанов С. М., 2006. Кипчаки в X–XIII вв.: историографический обзор // Историко-культурное наследие кимаков и кипчаков. Павлодар : Павлодар. гос. ун-т. С. 48–57.
- Бартольд В. В., 1968. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука. 759 с.
- Бейлис В. М., 1969. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара Ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. : Наука. С. 304–320.
- Боталов С. Г., 1987. Курган у озера Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 105–119.
- Боталов С. Г., 2018. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // Археология Евразийских степей : материалы IV Междунар. мадьярского симпоз. (Казань-Болгар, 15–19 окт. 2018 г.). № 6. С. 3–34.
- Боталов С. Г., 2022. Культурно-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) // *Stratum plus*. № 5. С. 45–64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564>
- Боталов С. Г., Грудочко И. В., 2011. Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // Археология і давня історія України. Вып. 7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Київ : Вид. ІА НАНУБ ЦП НАНУ і УТОПИК, ЦОДПА. С. 79–99.
- Боталов С. Г., Костюков В. П., Маслюженко Д. Н., Миргалеев И. М., Парунин А. В., Русланов Е. В., Сорогин Е. И., Яминов А. Ф., 2019. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века). История Южного Урала. В 8 т. Т. 5. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ. 424 с.
- Боталов С. Г., Таиров А. Д., Грудочко И. В., Газизова С. Р., Парунин А. В., 2021. Актюба – новый мадьярский комплекс в Южном Зауралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 19. Пермь : ПГГПУ. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90>
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука. 144 с.
- Грудочко И. В., Боталов С. Г., 2013. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск, Щадринск, 13–15 августа 2013 г.). Челябинск : Рифей. С. 110–138.
- Евтюхова Л. А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР. С. 72–120.
- Ермоленко Л. Н., 1990. Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири : тез. докл. Томск : ТомГУ. С. 122–124.
- Ермоленко Л. Н., 2002. Древнетюрские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. С. 188–192.
- Ермоленко Л. Н., 2004. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 133 с.
- Калинина Т. М., 2003. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы : 2001 год : Историческая память и формы ее воплощения. М. : Вост. лит. С. 204–216.
- Кляшторный С. Г., 1986. Кипчаки в рунических памятниках // *Türccologica* : К 80-летию академика А.Н. Кононова. Л. : Наука. С. 153–164.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И., 1992. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата : Рауан. 378 с.
- Кондратов А. В., 2004. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII – XII вв. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 23 с.

- Кубарев Г. В., 1998. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 290–298.
- Кубарев Г. В., 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 400 с.
- Кузеев Р. Г., 1971. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и истории формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа : Башк. фил. АН СССР. С. 17–29.
- Кузеев Р. Г., 2010. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа : ДизайнПолиграфСервис. 560 с.
- Кумеков Б. Е., 1972. Государство кимаков IX–XI вв. : По арабским источникам. Алма-Ата : Наука. 156 с.
- Кюннер Н. В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во вост. лит. 391 с.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М. : Наука. С. 130–131.
- Мишин Д. Е., 2002. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М. : Ин-т востоковедения РАН : Крафт+. 368 с.
- Могильников В. А., 1981. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука. С. 43–46.
- Могильников В. А., 1988. Особенности культуры населения тюркского времени кулундинской степи // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири : тез. докл. Вып. 1. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН. С. 64–66.
- Могильников В. А., 1989. Новые памятники енисейских киргизов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. С. 138–140.
- Мороз М. В., 1988. К вопросу об одном из вариантов погребальной обрядности сросткинской культуры // Археология Западной Сибири : тез. докл. Омск : ОмГУ. С. 42–44.
- Неверов С. В., 1988. История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 19 с.
- Неверов С. В., Горбунов В. В., 2001. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 176–178.
- Савинов Д. Г., 1976. Расселение кимаков по археологическим данным // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука. С. 94–104.
- Савинов Д. Г., 1978. Этнокультурные связи енисейских киргизов и кимаков в IX–X вв. // Тюркологический сборник. 1975. М. : Наука. С. 209–225.
- Савинов Д. Г., 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск : ТГУ. С. 53–72.
- Савинов Д. Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ. 174 с.
- Савинов Д. Г., 1998. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой, 1925 г. и С.М. Сергеевым, 1930) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Т. 3. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ. С. 175–190.
- Тишкин А. А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. 356 с.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2002. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Т. 9. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ. С. 82–91.
- Худуд ал-алем, персидская летопись X века. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, 1930. Л. : Изд-во АН СССР. 78 с.
- Худяков Ю. С., 2004. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Т. 12. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ. С. 138–153.
- Шорохов В. А., 2011. Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского университета. № 3–5. С. 69–74.
- Minorsky V., 1982. Hudud al-‘Alam. The Regions of the World : A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. translated and explained by V. Minorsky. L. : Oxford UP. 524 p.

REFERENCES

- Agadzhanov S.G., 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays on the History of the Oguzes and Turkmens of Central Asia in the 9th–13th Centuries]. Ashkhabad, Ylym Publ. 296 p.
- Adamov A.A., 2000. *Novosibirskoe Priob'ye v X–XVI vv.* [Novosibirsk Priobye in the X–XVI Centuries]. Tobol'sk, Omsk, OSPU. 256 p.
- Ahinzhanov S.M., 1976. Ob etnicheskom sostave kipchakov srednevekovogo Kazakhstana [On the Ethnic Composition of the Kipchaks of Medieval Kazakhstan]. *Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka Publ, pp. 81-93.
- Ahinzhanov S.M., 2006. Kipchaki v X–XIII vv.: istoriograficheskiy obzor [Kipchaks in the X–XIII Centuries: A historiographic Review]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie kimakov i kipchakov* [Historical and Cultural Heritage of the Kimaks and Kipchaks]. Pavlodar, PSU, pp. 48-57.
- Bartol'd V.V., 1968. *Sochineniya. T. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov* [Works. T. V. Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow, Nauka Publ. 759 p.
- Beylis V.M., 1969. Narody Vostochnoy Evropy v kratkom opisaniy Mutahkhara Al-Makdisi (X v.) [The Peoples of Eastern Europe in a Brief Description of Mutahkhar Al-Makdisi (X Century)]. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Central'noy Evropy* [Eastern Sources on the History of the Peoples of South-Eastern and Central Europe]. Moscow, Nauka Publ, pp. 304-320.
- Botalov S.G., 1987. Kurgan u ozera Sineglazovo (po raskopkam N.K. Minko i S.A. Gatsuka) [Mound near Lake Sineglazovo (According to Excavations by N.K. Minko and S.A. Gatsuka)]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 105-119.
- Botalov S.G., 2018. Uralo-Altayskoe edinstvo v materialah pogrebal'nogo kompleksa Uelgi [Ural-Altai Unity in the Funerary Complexes of Uelgi]. *Arheologiya Evraziyskikh stepey: materialy IV Mezhdunarodnogo mad'yarskogo simpoziuma (Kazan'-Bolgar, 15–19 oktyabrya 2018 g.)* [Archeology of the Eurasian Steppes. Proceedings of the IV International Magyar Symposium (Kazan-Bolgar, October 15–19, 2018)], no. 6, pp. 3-34.
- Botalov S.G., 2022. Kul'tovo-religioznye predstavleniya srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (na materialah pogrebal'nogo kompleksa Uelgi) [Cult and Religious Concepts Among the Medieval Nomads of the Southern Urals (Based on the Materials of the Uelga Burial Complex)]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 45-64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564>
- Botalov S.G., Grudochko I.V., 2011. Novye materialy po kul'turogenezu srednevekovogo naseleniya YUzhnogo Urala (po materialam mogil'nikov Uelgi i Sineglazovo) [New Materials on the Cultural Genesis of the Medieval Population of the Southern Urals (Based on the Materials of the Burial Grounds of Uelga and Sineglazovo)]. *Arheologiya i davnaya istoriya Ukraini. Madyari v Seredny'omu Podniprovi'i* [Archeology and Ancient History of Ukraine. Magyars in the Middle Dnieper], iss. 7. Kii'v, NANU'b CP NANU i UTOPIK, CODPA, pp. 79-99.
- Botalov S.G., Kostyukov V.P., Maslyuzhenko D.N., Mirgaleev I.M., Parunin A.V., Ruslanov E.V., Sorogin E.I., Yaminov A.F., 2019. *U istokov yuzhnoural'skih narodov. Yuzhnyy Ural v epohu Zolotoy Ordy (IX – nachalo XV veka). Istoriya Yuzhnogo Urala. V 8 t. T. 5* [At the Origins of the South Ural Peoples. The Southern Urals in the Era of the Golden Horde (IX – Early XV Centuries). History of the Southern Urals. In 8 vols. Vol. 5]. Chelyabinsk, SUSU. 424 p.
- Botalov S.G., Tairov A.D., Grudochko I.V., Gazizova S.R., Parunin A.V., 2021. Aktyuba – novyy mad'yarskiy kompleks v Yuzhnom Zaural'e [Aktobe – a New Magyar Complex in the Southern Trans-Urals]. *Trudy Kamskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic expedition], no. 19, Perm', PSPU, pp. 84-90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90>
- Gavrilova A.A., 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemyon* [Kudyrge Cemetery as a Source on the History of the Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 144 p.
- Grudochko I.V., Botalov S.G., 2013. Etnokul'turnaya situatsiya v Yuzhnom Zaural'e v VIII–XI vv. (v svete novykh issledovaniy pogrebal'nogo kompleksa Uelgi) [Ethnocultural Situation in the Southern Trans-Urals in the 8th–11th Centuries. (in the Light of New Data from Studies of the Uelga Burial Complex)]. *II-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium (Chelyabinsk, Shchadrinsk, 13–15 avgusta 2013 g.)* [II International Magyar Symposium (Chelyabinsk, Shchadrinsk, August 13–15, 2013)]. Chelyabinsk, Rifev Publ, pp. 110-138.

- Evtyuhova L.A., 1952. Kamennye izvayaniya Yuzhnoy Sibiri i Mongolii [Stone Statues of Southern Siberia and Mongolia]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 24. Materialy i issledovaniya po arheologii Sibiri* [Materials and Research on the Archeology of the USSR. No. 24. Materials and Research on the Archeology of Siberia], vol. 1. Moscow, USSR Academy of Sciences, pp. 72-120.
- Ermolenko L.N., 1990. Maniheystvo i skul'ptura uygurskogo perioda Tuvy [Manichaeism and Sculpture of the Uighur Period of Tuva]. *Problemy istoricheskoy interpretatsii arheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoy Sibiri: tezisy dokladov* [Problems of Historical Interpretation of Archaeological and Ethnographic Sources in Western Siberia. Report Abstracts]. Tomsk, TSU, pp. 122-124.
- Ermolenko L.N., 2002. Drevnetyurskie izvayaniya s sosudom v obeih rukah [Ancient Turkic Sculptures with a Vessel in both Hands]. *Pervobytnaya arheologiya. Chelovek i iskusstvo* [Primitive Archeology. Man and Art]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, pp. 188-192.
- Ermolenko L.N., 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazahstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya)* [Medieval Stone Statues of the Kazakh Steppes (Typology, Semantics in the Aspect of Military Ideology and Traditional Worldview)]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 133 p.
- Kalinina T.M., 2003. Interpretatsiya nekotorykh izvestiy o slavyanah v «Anonimnoy zapiske» [Interpretation of Some News about the Slavs in the "Anonymous Note"]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya* [The Most Ancient States of Eastern Europe: 2001: Historical Memory and Forms of its Embodiment]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., pp. 204-216.
- Klyashtornyy S.G., 1986. Kipchaki v runicheskikh pamyatnikakh [Kipchaks in Runic Monuments]. *Türcologica: K 80-letiyu akademika A.N. Kononova* [Türcologica. To the 80th Anniversary of Academician A.N. Kononov]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 153-164.
- Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I., 1992. *Kazahstan: letopis' trekh tysyacheletiy* [Kazakhstan: A Chronicle of Three Millennia]. Alma-Ata, Rauan Publ. 378 p.
- Kondratov A.V., 2004. *Izuchenie pogrebal'nogo obryada i sotsial'noy organizatsii naseleniya srostkinskoy kul'tury (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov yuga Zapadnoy Sibiri serediny VIII – XII vv. n.e.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Study of the Funeral Rite and Social Organization of the Population of the Srostka Culture (Based on Materials from Archaeological Sites in the South of Western Siberia in the Middle of the 8th – 12th Centuries AD). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Barnaul. 23 p.
- Kubarev G.V., 1998. K etnopoliticheskoy situatsii na territorii Altaya v VI–XI vv. n.e. [On the Ethnopolitical Situation on the Territory of Altai in the 6th–11th Centuries]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the Panorama of Millennia.]. Novosibirsk, IAE SB RAS, pp. 290-298.
- Kubarev G.V., 2005. *Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on the Materials of Funerary Monuments)]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 400 p.
- Kuzeev R.G., 1971. Uralo-aral'skie etnicheskie svyazi v kontse I tysyacheletiya n.e. i istorii formirovaniya bashkirskoy narodnosti [Ural-Aral Ethnic Relations at the End of the 1st Millennium AD and the History of the Formation of the Bashkir People]. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria], vol. IV. Ufa, Bashkir Branch of the AS USSR, pp. 17-29.
- Kuzeev R.G., 2010. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Ufa, DizaynPoligrafServis Publ. 560 p.
- Kumekov B.E., 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. Po arabskim istochnikam* [The State of the Kimaks in the 9th–11th Centuries. According to Arabic Sources]. Alma-Ata, Nauka Publ. 156 p.
- Kyuner N.V., 1961. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Central'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese News about the Peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Izdatel'stvo vostochoy literatury. 391 p.
- Mazhitov N.A., 1981. *Kurgany Yuzhnogo Urala VII–XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals of the 7th–12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 130-131.
- Mishin D.E., 2002. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic World in the Early Middle Ages]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, Kraft+ Publ. 368 p.
- Mogil'nikov V.A., 1981. Kimaki. Srostkinskaya kul'tura. Karluki [Kimaki. Srostka Culture. Karluks]. *Stepi Evrazii v epohu Srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 43-46.

- Mogil'nikov V.A., 1988. Osobennosti kul'tury naseleniya tyurkskogo vremeni kulundinskoy stepi [Features of the Culture of the Population of the Turkic Period of the Kulunda Steppe]. *Istoriografiya i istochniki izucheniya istoricheskogo opyta osvoeniya Sibiri: tezisy dokladov* [Historiography and Sources of Studying the Historical Experience of the Development of Siberia. Abstracts], iss. 1. Novosibirsk, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 64-66.
- Mogil'nikov V.A., 1989. Novye pamyatniki eniseyskikh kirgizov na Altae [New Monuments of the Yenisei Kirghiz in Altai]. *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeev* [Problems of Studying Siberia in the Research Work of Museums]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University, pp. 138-140.
- Moroz M.V., 1988. K voprosu ob odnom iz variantov pogrebal'noy obryadnosti srostkinskoy kul'tury [To the Question of One of the Variants of the Funeral Rituals of the Srostka Culture]. *Arheologiya Zapadnoy Sibiri: tezisy dokladov* [Archeology of Western Siberia. Abstracts]. Omsk, OSU, pp. 42-44.
- Neverov S.V., 1988. *Istoriya plemen srostkinskoy kul'tury v VIII–XII vv. n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The History of the Tribes of the Srostka Culture in the 8th–12th Centuries AD. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 19 p.
- Neverov S.V., Gorbunov V.V., 2001. Srostkinskaya kul'tura (periodizatsiya, areal, komponenty) [Srostka Culture (Periodization, Area, Components)]. *Prostranstvo kul'tury v arheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: materialy XII Zapadno-Sibirskoy arheologo-etnograficheskoy konf.* [Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories: Materials of the XII West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk, TSU, pp. 176-178.
- Savinov D.G., 1976. Rasselenie kimakov po arheologicheskim dannym [Settlement of Kimaks According to Archaeological Data]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam* [Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 94-104.
- Savinov D.G., 1978. Etnokul'turnye svyazi eniseyskikh kyrgyzov i kimakov v IX–X vv. [Ethno-Cultural Ties Between the Yenisei Kyrgyz and Kimaks in the 9th–10th Centuries]. *Tyurkologicheskij sbornik. 1975* [Turkological Collection. 1975]. Moscow, Nauka, pp. 209-225.
- Savinov D.G., 1979. Ob osnovnykh etapakh razvitiya etnokul'turnoj obshchnosti kypchakov na yuge Zapadnoy Sibiri [On the Main Stages in the Development of the Ethno-Cultural Community of the Kipchaks in the South of Western Siberia]. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Sibiri* [History, Archeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk, TSU, pp. 53-72.
- Savinov D.G., 1984. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu* [The Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Era]. Leningrad, LSU, 174 p.
- Savinov D.G., 1998. Srostkinskiy mogil'nik (raskopki M.N. Komarovoy, 1925 g. i S.M. Sergeevym, 1930) [Srostka Burial Ground (Excavations by M.N. Komarova, 1925 and S.M. Sergeev, 1930)]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii* [Antiquities of Altai. News of the Laboratory of Archeology], vol. 3. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 175-190.
- Tishkin A.A., 2007. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-hronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaya konceptsiya izucheniya drevnykh i srednevekovykh narodov Altaya* [Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and the Modern Concept of Studying the Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul, ASU, 356 p.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2002. Kul'turno-hronologicheskie skhemy izucheniya istorii srednevekovykh kochevnikov Altaya [Cultural and Chronological Schemes for Studying the History of the Medieval Nomads of Altai]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai], vol. 9. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 82-91.
- Hudud al-alem, persidskaya letopis' X veka. Rukopis' Tumanskogo s vvedeniem i ukazatelem V. Bartol'da* [Persian Chronicle of the 10th Century. Tumansky's Manuscript with an Introduction and Index by V. Bartold], 1930. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 78 p.
- Hudyakov Yu.S., 2004. O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovykh kypchakov [On the Origin of the Culture of Medieval Kypchaks]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai], vol. 12. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 144-145.
- Shorohov V.A., 2011. Vengry v Severnom Prichernomor'e po dannym «Anonimnoy zapiski» [Hungarians in the Northern Black Sea Region According to the “Anonymous Note”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], no. 3–5, pp. 69-74.
- Minorsky V., 1982. *Hudud al-'Alam. The Regions of the World: A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky*. London, Oxford UP, 524 p.

Information About the Author

Sergey G. Botalov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, South Ural Archaeological Center, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation; Leading Researcher, Scientific and Educational Center Eurasian Studies, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, grig@csc.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>

Информация об авторе

Сергей Геннадьевич Боталов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, grig@csc.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>